Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.В. Покровский

Брачные венцы и царские короны

Опубликовано:
Христианское чтение. 1882. № 7-8. С. 127-160.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Брачные вѣнцы и царскія короны [1]).

Въ предметѣ, уясненію котораго мы посвящаемъ настоящія строки, ясно выдѣляются двѣ стороны: во 1-хъ форма брачныхъ вѣнцовъ, имѣющая свою исторію, во 2-хъ, символическій смыслъ вѣнцовъ, предполагающій извѣстную группу обрядовъ, которыми обставлено ихъ церковное употребленіе. Тѣсное соотношеніе между обѣими сторонами, предполагается само собою, и освѣщеніе одной изъ нихъ бросаетъ свѣтъ на другую. Независимо отъ того, при выясненіи вопроса о генесисѣ и разнообразіи формъ русскихъ брачныхъ вѣнцовъ, приходится еще болѣе расширить поле зрѣнія и принять во вниманіе одно весьма важное параллельное явленіе, именно форму царской короны въ ея постепенномъ видоизмѣненіи. Сопоставленіе это должно показать, что форма брачныхъ вѣнцовъ не стоитъ одиноко въ исторіи, но начинается и развивается въ связи съ развитіемъ формы царской короны. Если же мы придвинемся ближе къ новой исторіи и на минуту остановимся на второй половинѣ XVII столѣтія, то встрѣтимъ и еще одно параллельное явленіе: это — форма митры, явившаяся совершеннымъ новшествомъ, основаннымъ не на преданіи, но на подражаніи царской коронѣ. Такимъ образомъ объемъ нашего предмета значительно расширяется, и рѣшеніе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ требуетъ неотложно приведенія въ извѣстность разбросанныхъ повсюду памятниковъ этого рода.

---

[1]) Статья эта въ сокращеніи читана была въ одномъ изъ засѣданій V-го археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

Пишущій эти строки имѣлъ возможность наблюдать и изучать значительное количество брачныхъ вѣнцовъ, находящихся въ различныхъ хранилищахъ русскихъ древностей, а также въ церквахъ Россіи и Кавказа, главнымъ же образомъ въ коллекціи церковныхъ древностей при с.-петербургской духовной академіи, и потому рѣшился, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было наличныхъ ученыхъ работъ по этому предмету, изложить результаты своихъ наблюденій. Но для яснѣйшаго представленія о предметѣ приходится начать издалека: посмотрѣть на вѣнки древнихъ іудеевъ и язычниковъ, отмѣтить первоначальное появленіе ихъ въ христіанствѣ и затѣмъ уже разсмотрѣть ихъ формы въ намѣченной параллели.

Фактъ существованія въ до-христіанской древности вѣнковъ вообще и брачныхъ вѣнковъ въ частности не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но попытки раскрыть первоначальный моментъ ихъ появленія, точно опредѣлить время, мѣсто и условія ихъ происхожденія, никогда не приводили ни къ какому положительному выводу. Неудача эта зависѣла отъ того, что появленію вѣнковъ старались придать характеръ какого-то новаго изобрѣтенія, которое должно быть связано съ именемъ какого-либо лица или событія, тогда какъ въ дѣйствительности вѣнокъ, подобно букету цвѣтовъ, представляетъ элементарную форму подражанія природѣ и потому долженъ быть объясненъ изъ инстинктивнаго стремленія къ искуственному воспроизведенію формъ природы. О какомъ либо творчествѣ и самобытности формы вѣнка, хотя бы даже въ отношеніи правильности ея деталей, которой не встрѣчается въ природѣ, едва ли нужно говорить. Только въ позднѣйшее время, вмѣстѣ съ замѣною цвѣточнаго вѣнка металлическимъ, форма его сдѣлалась предметомъ искусства и получила право занять мѣсто въ ряду произведеній художественнаго творчества. По этому можно судить, какая доля правды заключается во всѣхъ многочисленныхъ догадкахъ относительно первоначальнаго появленія вѣнковъ. Было время, когда изобрѣтателемъ вѣнковъ считали Адама, который будто бы

увѣнчалъ собя цвѣточнымъ вѣнкомъ по сотвореніи и приведеніи къ нему Евы; другіе Бахуса, который, будто бы, послѣ побѣды надъ индами, возложилъ на свою голову плющевый вѣнокъ; иные Прометея, который сплелъ вѣнокъ въ воспоминаніе о своемъ положеніи на Кавказѣ, иные Нимврода, Сатурна и Юпитера. Плиній полагалъ, что они изобрѣтены женою Сикіона Гликеріею, а Келій— Стефаномъ (отъ „στέφανος“ вѣнокъ); наконецъ Страбонъ, — что вѣнки начали приготовлять прежде всего въ Брутахъ. Понятно, что всѣ эти догадки не имѣютъ ни малѣйшей исторической достовѣрности. Болѣе вѣроятнымъ казалось бы то мнѣніе, которое связываетъ происхожденіе вѣнка съ потребностію освѣженія головы отъ дѣйствія вина на греко-римскихъ пирахъ [1]). Однакожъ оно безъ нужды переноситъ рѣшеніе вопроса изъ области эстетики въ область практическую, не выясняетъ тѣснаго соотношенія между этими двумя сферами, не обнимаетъ сполна всѣхъ случаевъ примѣненія вѣнка, когда не только объ опьянѣніи, но даже и объ умѣренномъ употребленіи вина не могло быть рѣчи, а потому является, хотя довольно остроумнымъ, тѣмъ не менѣе совершенно произвольнымъ. Всѣ эти безплодныя усилія, проистекающія изъ естественнаго стремленія опредѣлить точно причину явленія, должны убѣдить насъ въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ явленіемъ, первоначальный моментъ котораго стоитъ внѣ предѣловъ точной исторіи и не оставляетъ видныхъ слѣдовъ, необходимыхъ для положительнаго историческаго анализа. Появленіе вѣнка не есть отдѣльное событіе, которое могло бы быть записано въ народныхъ лѣтописяхъ и сохраниться въ народной памяти; это скорѣе плодъ общечеловѣческой наклонности переводить формы природы въ область искусства и слѣдовательно возникновеніе его относится къ той отдаленнѣйшей эпохѣ въ жизни человѣчества, когда человѣкъ, по удо-

[1]) Мартына Схмейзеля Исторія о коронахъ древнихъ и нынѣшнихъ, а наипаче о владѣтельскихъ. И о началѣ венгерской короны и о приключеніяхъ оной коронѣ собственныхъ. Ркп. новг. соф. библ. № 1571.

влетворении своихъ естественныхъ потребностей, сталъ обращать вниманіе на изящество формъ своей бытовой обстановки, прибѣгая въ этомъ случаѣ за помощью къ изящнымъ формамъ природы. Природа служила для человѣка источникомъ художественныхъ вдохновеній, она же доставляла ему и необходимые образы и формы. Исторія и археологія застаютъ вѣнокъ въ періодѣ его повсюднаго распространенія, какъ такое явленіе, генесисъ котораго не сохранился въ народной памяти. Положительно извѣстно, что всѣ древніе культурные народы: евреи, египтяне, пароляне, македоняне, сирійцы, персы, фригійцы, греки, римляне и проч. знали вѣнки и соединяли съ ними извѣстный смыслъ. Не заходя въ сферу письменныхъ памятниковъ древности, достаточно указать на многочисленные и разнообразные примѣры изображеній вѣнковъ на такъ называемыхъ вещественныхъ памятникахъ до-христіанской древности: монетахъ, медаляхъ, геммахъ и камеяхъ, въ скульптурѣ на стѣнахъ древнихъ храмовъ, религіозной и домашней утвари и проч. Вопросъ о генетической зависимости вѣнковъ одного народа отъ другаго сполна входитъ въ общій вопросъ о зависимости культуръ, а потому мы считаемъ совершенно излишнимъ ставить его особо и отмѣтимъ лишь одинъ признакъ сближенія между всѣми родами вѣнковъ: признакъ этотъ заключается въ общемъ значеніи вѣнка, какъ символа преимущества, чести, славы и радости. Если мы отрѣшимся отъ непосильной задачи прослѣдить исторію вѣнковъ у всѣхъ народовъ, а остановимся лишь на нѣкоторыхъ представителяхъ до-христіанскаго міра, каковы евреи и греки, то не нанесемъ существеннаго ущерба ясности занимающаго насъ предмета.

Недостатокъ вещественныхъ памятниковъ еврейской древности въ примѣненіи къ вопросу о вѣнцахъ восполняется отчасти опредѣленными указаніями на этотъ предметъ въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Вѣнокъ является здѣсь символомъ славы и чести (Псал. XX, 4), награды (Ис. XXVIII, 5), власти (Езек. XXI, 26, Пс. VIII, 6); въ частности онъ служитъ одною изъ принадлежностей брачныхъ украшеній жениха и невѣсты. Немногосложная

церемонія еврейскаго брака, примыкающая главнымъ образомъ къ моменту отвода невѣсты въ домъ жениха, предполагала обыкновенно, вмѣстѣ съ праздничными одеждами жениха и невѣсты и распущенными волосами и покрываломъ послѣдней, также головныя украшенія въ видѣ коронъ на обоихъ брачущихся (Пѣснь п. III, 11; Ис. LXI, 10). Но какова была форма этихъ коронъ: представляла ли она собою оригинальное явленіе, или сколокъ съ короны египетской, финикійской или иной, сказать трудно. Въ письменныхъ источникахъ еврейской древности — св. книгахъ, она не описана, въ памятникахъ изобразительнаго искусства, къ которымъ евреи не питали особенныхъ симпатій, она, насколько намъ извѣстно, не встрѣчается; судить же о ней по иконографическимъ памятникамъ христіанства, въ которыхъ иногда встрѣчаются изображенія ветхозавѣтныхъ царей въ коронахъ, было бы совершенно не научно, такъ какъ этого рода короны имѣютъ форму или условную, или срисованную съ позднѣйшихъ христіанскихъ образцовъ.

Лишь въ позднѣйшихъ памятникахъ еврейской древности можно находить нѣкоторыя, хотя не всегда ясныя, указанія на нее. Въ талмудѣ [1]) гдѣ идетъ рѣчь о запрещеніи вѣнковъ „изъ соли и сѣры“, находится ясно выраженное позволеніе (Раба) употреблять мужскіе вѣнки изъ миртъ, а по Самуилу,—изъ камышей и лилій. Слѣд. вѣнки эти были двоякаго рода: цвѣточные, форму которыхъ нужно представлять себѣ аналогичною съ обыкновенною формою цвѣточнаго вѣнка, и вѣнки, сдѣланные „изъ соли и сѣры“. Вѣроятное объясненіе послѣдняго состава предлагаетъ комментаторъ талмуда Соломонъ Ицхаки (Раши), разумѣя подъ солію извѣстный родъ (отвердѣвшей) прозрачной соляной массы, по которой дѣлались украшенія изъ сѣры, какъ по серебру и золоту (niello). Что касается вѣнковъ невѣсты, то по объясненію Раба, сына Бархана, во имя раби Іохамана, они составляли „городъ изъ золота“, т. е. были сдѣланы изъ золота и имѣли форму стѣнной

[1]) Tract. sota fol. 49ᵇ. Сообщено обязательно проф. Д. А. Хвальсономъ.

греко-римской короны (corona muralis). Если объясненія эти справедливы, то мы должны признать, что въ эпоху первоначальнаго появленія христіанства брачные вѣнки еврейскіе въ ихъ формѣ не имѣли существенныхъ отличій отъ вѣнковъ греко - римскихъ. И при томъ какъ металлическіе, такъ и всякіе другіе вѣнки, кромѣ вѣнковъ изъ миртъ, камыша и лилій, были уже запрещены у евреевъ во время войнъ Веспасіана и Тита, какъ это видно изъ Мишны. Такимъ образомъ уже одно это обстоятельство не позволяетъ намъ утверждать генетическую зависимость христіанскихъ вѣнковъ отъ вѣнковъ еврейскихъ. Болѣе вѣроятнымъ представляется то, что введеніе вѣнковъ въ составъ христіанскаго брачнаго церемоніала стояло въ зависимости отъ господствовавшаго повсюду народнаго обычая употребленія вѣнковъ при бракахъ, оно вытекало слѣд. изъ требованій самой жизни, но не изъ соображеній догматическихъ. Появились вѣнцы, какъ увидимъ ниже, прежде всего въ греческой церкви, а потому мы не имѣемъ ни малѣйшаго права видѣть въ древне-христіанской формѣ вѣнцовъ—отраженіе формы вѣнцовъ еврейскихъ, подобно тому, какъ и всю бытовую обстановку грековъ не можемъ признать еврейскою. Но обычай, вошедшій въ составъ христіанской обрядности, съ теченіемъ времени долженъ былъ получить новое освѣщеніе, соотвѣтственно его новому назначенію: это весьма обыкновенное дѣло въ процессѣ возникновенія и образованія христіанской обрядности. Когда настала пора для этого освѣщенія, то по общимъ соображеніямъ тѣсной связи между христіанствомъ и іудействомъ, припомнилась основная мысль еврейскихъ вѣнцовъ и такимъ образомъ въ памятникахъ церковной письменности тѣ и другіе вѣнцы оказались сближенными: введенный въ составъ брачнаго чинопослѣдованія стихъ псалма „положилъ еси на главахъ ихъ вѣнцы“ прямо переноситъ уже мысль христіанина въ ветхій завѣтъ.

Въ греко-римскомъ мірѣ вѣнецъ имѣлъ весьма разнообразное значеніе и примѣненіе [1]). Древніе греческіе писатели отмѣчаютъ

[1]) Наименованіе его στέφανος означаетъ тоже, что и στέμμα, στέφος, лат. corо

до 20 видовъ вѣнковъ: вѣнки пиршественные, дѣвственные, любительскіе, брачные, праздничные, заупокойные, вѣнки чести, безчестія, добродѣтелей, воинскіе, гражданскіе, обозные или воловые, стѣнные, водные и корабельные, побѣдительные, осадные, торжественные, владѣтельные и проч. Но различіе формъ этихъ вѣнковъ и типическія особенности ихъ видовъ установить не легко. Съ вѣроятностію можно допустить, что многія изъ названныхъ категорій вѣнковъ не предполагаютъ вовсе специфическихъ отличій въ ихъ формахъ, но указываютъ лишь на различіе того значенія, какое усвоялось вѣнку въ томъ или другомъ случаѣ, такъ что одна и таже форма могла быть формою вѣнка пиршественнаго, дѣвственнаго, брачнаго и т. п. Однообразіе этого рода можетъ быть категорически утверждаемо относительно вѣнковъ „цвѣточныхъ“ и имѣвшихъ частное, но не оффиціальное назначеніе. Въ вѣнкахъ же металлическихъ и оффиціальныхъ вводились спеціальныя отличія: таковы особыя формы коронъ греко-римскихъ владѣтелей и короны стѣнныя въ формѣ круглыхъ крѣпостныхъ стѣнъ съ вздымающимися городками. — Сверхъ указаннаго примѣненія вѣнки употреблялись древними въ честь боговъ и геніевъ. Если древніе евреи въ праздникъ кущей имѣли обычай носить въ рукахъ вѣнки изъ ивовыхъ листьевъ и миртъ, перевитыхъ пальмовыми вѣтвями, то греки, римляне не отстали отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Римляне въ праздникъ возрожденія природы (Цибеллы

---

na, sertum вѣнецъ или корона, повязка вокругъ головы. Названіе же «корона, χορόνη, согопа» нѣкоторые производили отъ лат. «cornu» (рогъ), служившій символомъ власти и потому приличный главѣ властелина, иные (Исидоръ исп.) отъ греч. χόρος, которое означало обходъ вокругъ жертвъ; оба эти объясненія произвольны и несогласны съ орѳографіей слова «корона». Большею вѣроятностію отличается производство Пасхалія отъ греч. χορόνης, которое у грековъ означало верхній сгибъ, верхъ лука (см. у Схмейзеля). Русское слово «вѣнокъ, вѣнецъ» допускаетъ двоякое производство: отъ того же корня, отъ котораго происходитъ франц. «vendre» продавать и, быть можетъ, русское «вѣно» — выкупъ за невѣсту и слѣдов. въ первоначальномъ значеніи указываетъ на обычай продавать невѣстъ; или же отъ корня, общаго съ русскимъ «вить» и слѣд. указываетъ на устройство вѣнка изъ цвѣтовъ и растеній.

украшали фіалковыми вѣнками елку, — обрядъ аналогичный съ стариннымъ русскимъ обрядомъ, выполняемымъ въ т. назыв. семикъ; въ праздникъ терминалій (23 февр.) подобными же вѣнками украшали національныхъ геніевъ; празднованія въ честь умершихъ также сопровождались возложеніемъ вѣнковъ на гробницы, для каковой цѣли учрежденъ былъ даже особый праздникъ въ маѣ мѣсяцѣ. При рожденіи младенца мужескаго пола древніе выставляли предъ дверями дома вѣнокъ изъ маслины, при рожденіи дѣвочки—вѣнокъ изъ волны. При бракахъ вѣнками украшались не только головы жениха, невѣсты и гостей, но даже ихъ шеи, комнаты, постели, сосуды съ виномъ и тарелки, а вокругъ дома, въ которомъ происходило брачное торжество разсыпались цвѣты. Самаго бога брака Гименея древніе украшали розовыми вѣнками и посвящали ему короны для цѣлей супружескаго благополучія. Вѣнки этого рода устроялись изъ древесныхъ вѣтвей и цвѣтовъ и преимущественно такихъ, которые производили пріятное впечатлѣніе на зрѣніе и обоняніе; каковы: роза, фіалки, бобки, плющъ, олива; въ зимнее же время, за недостаткомъ живыхъ цвѣтовъ, они могли приготовляться также изъ волны, льна, шерсти, вербы, лавроваго дерева, виноградныхъ вѣтвей и можетъ быть изъ дерева и металла [1]). Обычная форма ихъ, въ видѣ ободка незначительной высоты, общеизвѣстна и повторяется до настоящаго времени напр. при торжественныхъ чествованіяхъ артистовъ, при отданіи послѣдней чести умершимъ и т. п. Вѣнки металлическіе были попреимуществу вѣнками оффиціальными и составляли прежде всего привиллегію царей. Кедринъ полагалъ, что царскій вѣнецъ употребленъ былъ въ первый разъ императоромъ Константиномъ великимъ; но онъ не рѣшился защищать это предположеніе самъ лично: сославшись лишь на существующее объ этомъ преда-

[1]) Въ частности брачные вѣнки греки устрояли изъ смирны, посвященной Афродитѣ, богинѣ плотскаго раздраженія, англичане изъ колосьевъ, лузитанцы изъ розъ, лукрены изъ маслины, славяне и вообще народы Россіи изъ различныхъ полевыхъ цвѣтовъ.

ніе, поступилъ весьма резонно. Преданіе это, понимаемое въ прямомъ смыслѣ, совершенно не вѣрно. Правда, что римскіе императоры, предшественники Константина, носили иногда лавровые и т. п. вѣнки, какъ это съ несомнѣнностію явствуетъ изъ изображеній ихъ на древнихъ монетахъ, медаляхъ, геммахъ и камеяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдки—изображенія ихъ и въ вѣнкахъ металлическихъ. Опираясь на тѣже вещественные памятники, мы видимъ, что и Константинъ иногда изображаемъ былъ въ металлическомъ вѣнкѣ, иногда въ лавровомъ и т. п. Отодвигаясь далѣе въ глубь исторіи, мы встрѣчаемъ металлическіе вѣнки и на многочисленныхъ памятникахъ другихъ народовъ. Слѣдовательно извѣстіе Кедрина о Константинѣ великомъ, какъ первомъ носителѣ царскаго (роскошнаго) вѣнка, если не разумѣть подъ нимъ особой формы вѣнца, напр. съ крестомъ, не вѣрно. Остается вѣрнымъ фактомъ то, что и эти вѣнцы были извѣстны въ глубокой древности, предшествовавшей эпохѣ Константина великаго. Все разнообразіе формъ этихъ металлическихъ вѣнцовъ не имѣетъ тѣснаго отношенія къ нашему предмету, а потому считаемъ излишнимъ входить въ разсмотрѣніе ихъ.

Обычай язычества—употреблять вѣнки, — имѣющій довольно близкое отношеніе къ языческой догмѣ, не могъ скоро перейти въ христіанство, и лишь паденіе язычества и инстинктивная свычка христіанъ съ бытовыми формами эпохи язычества помогли переходу языческаго вѣнка въ христіанство. Во времена Іустина мученика христіане не употребляли вѣнковъ ни въ какомъ случаѣ (Apol. c. 9). Тертулліанъ, оцѣнивая всѣ проявленія обычая съ точки зрѣнія христіанской догмы, считалъ употребленіе вѣнковъ при погребеніи и бракахъ вторымъ идолослуженіемъ (secunda idololatria. Tert. de cor. mil. c. 10) и возвратомъ къ язычеству (ibid. c. 13). Подобнымъ образомъ Минуцій Феликсъ, отстраняя упрекъ со стороны язычниковъ въ томъ, что христіане не возлагаютъ вѣнковъ на гробницы умершихъ, отвѣчаетъ, что блаженный не нуждается въ цвѣтахъ, а несчастный не возрадуется отъ нихъ и слѣд.

косвеннымъ образомъ подтверждаетъ мысль о томъ, что вѣнки считались въ христіанствѣ дѣломъ излишнимъ. Впрочемъ протесты эти, представляя собою выраженіе простоты первоначальнаго христіанства и его отчужденія отъ обрядовъ, вошедшихъ въ плоть и кровь языческаго культа, отнюдь не доказываютъ пренебреженія древнихъ христіанъ къ внѣшней природѣ. Тѣ же самые авторы ясно говорятъ намъ, что они протестуютъ не противъ цвѣтовъ, изъ которыхъ приготовлялись вѣнки, но противъ обычая возлагать вѣнки на головы. Цвѣтокъ, какъ произведеніе природы, пріятенъ для обонянія и зрѣнія и съ этой стороны христіане цѣнили его, но возложеніе вѣнковъ изъ цвѣтовъ на головы считали столь же противоестественнымъ, какъ услажденіе ушей пищею и носа—звуками (Tert. 16. c. 5). Ясно изъ всего этого во 1-хъ то, что вѣнки въ язычествѣ въ первые вѣка христіанства были обычнымъ явленіемъ, во 2-хъ, что церковные писатели того времени протестовали противъ распространенія ихъ въ христіанствѣ. Однакожъ эти личные протесты, какъ результатъ стремленія къ ревностной защитѣ христіанства отъ всякихъ прираженій со стороны язычества, имѣли неоспоримое значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе вѣнка непосредственно вытекало изъ идеи язычества и было т. образомъ внѣшнею формою языческой догмы. Но когда оно являлось простымъ народнымъ обычаемъ, не связаннымъ необходимо съ догмою, или утратившимъ религіозное значеніе, когда оно было обыкновеннымъ явленіемъ въ области чистаго искусства, напр. въ живописи и скульптурѣ, тогда протесты эти теряли свою значимость: они не могли измѣнить характера обычныхъ отношеній христіанъ къ старинной обстановкѣ и къ искусству, да и не имѣли къ тому наличныхъ поводовъ. То была пора, когда въ области внѣшнихъ отношеній господствовалъ неопредѣленный церковный канонъ, не внѣшнее предписанное правило, но требованія жизни, разумная свобода, насколько она не противорѣчила духу христіанства. Жизнь христіанъ въ ея внѣшнихъ обстановочныхъ проявленіяхъ близко подходила къ обстановкѣ язычества; особенно въ

сферѣ искусства, которое располагало богатымъ разнообразіемъ готовыхъ художественныхъ формъ. Отсюда мы видимъ, что въ христіанскихъ усыпальницахъ даже въ первые вѣка христіанства не разъ повторяется форма языческаго вѣнка (въ римской катакомбѣ Люцины и на саркофагахъ). Явленіе это отнюдь не доказываетъ предрасположенія христіанъ къ языческому культу, а указываетъ лишь на заимствованіе обычной языческой формы для выраженія христіанской идеи. Особенно съ IV столѣтія, когда паденіе язычества устранило опасность смѣшенія его идей и формъ культа съ христіанствомъ, формы античныя стали мало-по-малу претвориться въ достояніе христіанства. Теперь появляются въ христіанствѣ и брачные вѣнки. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что первая мысль о брачныхъ вѣнкахъ въ христіанствѣ находила точку опоры въ до христіанскомъ мірѣ, но не въ языческой догмѣ, а въ обычаѣ народномъ. Брачный вѣнокъ въ христіанствѣ ведетъ свое начало не отъ брачнаго же вѣнка язычества, который бы напоминалъ собою объ языческомъ культѣ, а отъ вѣнка побѣднаго (signum victoriae). Бракъ, по воззрѣнію древнихъ христіанъ, есть выраженіе побѣды христіанина надъ своими страстями, а брачный вѣнокъ— символъ этой побѣды (σύμβολον τῆς νίκης). Такое именно значеніе усвоеетъ вѣнку св. Златоустъ въ своей IX бесѣдѣ на 1-е посланіе къ Тимоѳею (διὰ τοῦτο στέφανοι ταῖς κεφαλαῖς ἐπιτίθενται, σύμβολον τῆς νίκης, ὅτι ἀήττητοι γενόμενοι, οὕτω προσέρχονται τῇ ἑυνῇ, ὅτι μὴ κατηγωνίσθησαν ὑπὸ τῆς ἡδονῆς). Если, сверхъ того, къ христіанскому вѣнку приложимо общее значеніе древняго вѣнка, какъ символа радости и чести, то это ручается лишь за переживаніе обычной языческой символики, но не за переживаніе языческой догмы. Народный греческій обычай, по которому невѣста и дѣвицы возлагаютъ на себя вѣнки во время брачнаго торжества, а женихъ, встрѣчая невѣсту, украшаетъ вѣнками двери своего дома (Suicer. Thes. eccl. v. Στεφ.), имѣютъ тотъ же смыслъ. Тутъ мы видимъ переживаніе языческой формы, при заб-

веніи первоначальнаго религіознаго значенія ея, и при томъ не въ церковной, но въ домашней обрядности.

Принимая въ соображеніе названное сейчасъ свидѣтельство Златоуста, нужно согласиться, что въ IV столѣтіи брачные вѣнки были уже въ употребленіи у христіанъ, и такъ какъ Златоустъ говоритъ о нихъ, какъ объ явленіи обыкновенномъ въ то время, то это даетъ основаніе отодвигать начало ихъ ко времени предшествовавшему Златоусту. Но есть въ этомъ свидѣтельствѣ и значительные недочеты: во 1-хъ оно ни единымъ словомъ не упоминаетъ о формѣ брачнаго вѣнка, во 2-хъ не объясняетъ того, происходило ли возложеніе вѣнковъ на брачущихся въ церкви и составляло ли оно необходимый элементъ брачнаго ритуала, или же брачный вѣнокъ въ то время не имѣлъ еще такого значенія. Вопросъ этого рода не можетъ быть названъ праздным, хотя бы въ виду древней практики западной церкви, которая допускала возложеніе вѣнцовъ на новобрачныхъ не во время церковной церемоніи брака, а по окончаніи ея и притомъ чрезъ посредство не священника, а отца или дружки новобрачныхъ. Столь же неопредѣленныя свѣденія о вѣнцахъ брачныхъ находятся у Аполлинарія, Сидонія и Палладія. Но въ жизнеописаніи св. Алексѣя, умершаго въ V столѣтіи ясно уже сказано, что при благословеніи его брака возложены были вѣнцы какъ на него самаго, такъ и на невѣсту и что обрядъ этотъ совершенъ былъ въ церкви мученика Вонифатія руками почетнѣйшихъ пресвитеровъ. Дальнѣйшія въ хронологическомъ порядкѣ указанія на брачные вѣнцы встрѣчаются у Ѳеофана въ разсказѣ о бракахъ императоровъ Маврикія, Ираклія (съ Евдоксіею) и Ирины (со Львомъ) [1]. Такимъ образомъ отъ V-го столѣтія мы имѣемъ уже свѣденія о томъ, что обрядъ возложенія брачныхъ вѣнцовъ на головы жениха и невѣсты входилъ въ составъ церковнаго благословенія брака. Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ брачныхъ чинопослѣдованій представляютъ це-

[1]) Binterim, Die vorzugl. Δεκκω VI. 2. S. 136—137.

ремоніи возложенія и снятія вѣнцовъ при бракосочетаніи во всей ихъ полнотѣ и носятъ уже названіе στεφάνωμα—вѣнчаніе отъ употребленія вѣнцовъ. И хотя они не обозначаютъ ни формы, ни матеріи древне-греческихъ вѣнцовъ, тѣмъ не менѣе рѣшеніе этого вопроса не представляетъ особенныхъ затрудненій. Если мы примемъ въ соображеніе во 1-хъ общераспространенное употребленіе въ древности вѣнковъ изъ растеній въ обычномъ быту, во 2-хъ свидѣтельство Критопула, который, описывая брачный обрядъ греческой церкви, прямо говоритъ о возложеніи на головы брачущихся вѣнцовъ изъ вѣчно зеленѣющихъ растеній [1]), въ 3-хъ современную намъ практику греческой церкви, которая доселѣ допускаетъ употребленіе вѣнковъ, сдѣланныхъ лишь изъ растеній (напр. виноградныхъ вѣтвей) и цвѣтовъ, мы съ полною вѣроятностію можемъ признать таковыми же и вѣнцы древней церкви. Внутреннее значеніе брачныхъ вѣнцовъ достаточно разъясняютъ св. Златоустъ и Критопулъ, считая ихъ символами побѣды человѣка надъ своими страстями.

Переходя отсюда къ брачнымъ вѣнцамъ въ древней Россіи, мы становимся лицомъ къ лицу съ вопросомъ: въ какомъ отношеніи они стояли къ вѣнцамъ греческимъ? Нѣтъ нужды доказывать, что первоначальная мысль о примѣненіи брачныхъ вѣнцовъ подана была русскимъ греками; и русскіе христіане должны были принять ее тѣмъ охотнѣе, что „вѣнецъ“ не составлялъ для нихъ новаго явленія, но находилъ широкое примѣненіе въ древнемъ быту: онъ служилъ украшеніемъ женщинъ и дѣвицъ и символомъ въ нѣкоторыхъ праздничныхъ языческихъ церемоніяхъ. Нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что церковный церемоніалъ при возложеніи и снятіи вѣнцовъ, равно какъ и все сполна чинопослѣдованіе брака, передано было намъ также отъ церкви греческой; но относительно формы и матеріала вѣнцовъ

[1]) Ὁ πρεσβύτερος ἐγχειρίζει τούτοις τοὺς δακτυλίους ἀλλήλων τοῦ μεν νυμφίου τῇ νύμφῃ, τῆς δὲ νύμφης τῷ νυμφίῳ. Εἶτ' ἀλλήλων τὰς δεξιὰς συνάψας, ἐπιτίθησι ταῖς ἐκείνων καιφαλαῖς στεφάνους ἐξ ἀειθαλοῦς φυτοῦ. Confess. fidei c. XII. Suicer, Thes. eccl. v. Στεφ.

подобной передачи предполагать нельзя: наши брачные вѣнцы, по естественной необходимости, не могли быть точною копіею съ брачныхъ вѣнцовъ греческихъ. Условія сѣверной природы, гдѣ болѣе чѣмъ на половину года замираетъ всякая растительность, рѣшительно не позволяли ввести въ постоянный церковный обычай употребленіе вѣнцовъ изъ цвѣтовъ и вѣтвей; нужно было воспользоваться для этой цѣли другимъ матеріаломъ. Вопросъ о немъ разрѣшался самою бытовою обстановкою: обиліе дерева, легкая возможность добыть желѣзо, мѣдь и даже серебро прямо наводили на мысль объ устройствѣ деревянныхъ, лубочныхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ и по мѣстамъ серебряныхъ вѣнцовъ. И если отъ глубокой русской древности мы не находимъ на этотъ счетъ прямыхъ указаній ни въ письменныхъ ни въ вещественныхъ памятникахъ, то отъ XVI столѣтія имѣемъ уже тѣ и другіе. Въ описяхъ церковныхъ имуществъ того времени упоминаются мѣдные, даже съ позолотою и рѣзными изображеніями святыхъ, и желѣзные (изъ бѣлаго нѣмецкаго желѣза) съ рѣзными крестами вѣнцы [1]), въ запискахъ иностранныхъ путешественниковъ—деревянные и лубочные [2]), а въ числѣ дошедшихъ до насъ экземпляровъ брачныхъ вѣнцовъ встрѣчаются лубочные, деревянные, желѣзные, мѣдные и даже серебряные вѣнцы. По всей вѣроятности изъ тѣхъ же матеріаловъ устроялись русскіе вѣнцы и ранѣе XVI столѣтія; по крайней мѣрѣ предполагать, что XVI-й вѣкъ внесъ въ эту область какое либо новшество, неизвѣстное дотолѣ, мы не имѣемъ прямыхъ основаній. Перейдемъ къ формѣ древне-русскихъ брачныхъ вѣнцовъ.

I. Уже апріорное соображеніе подсказываетъ намъ, что первоначальная форма вѣнца должна быть формою наиболѣе простою и наиболѣе близкою къ формѣ греческаго вѣнка. Произведеніе искусства въ первой стадіи его отправленія отъ предмета природы по

---

[1]) См. напр. опись сольвычегодскаго собора 1580 г. Рук. музея импер. археол. общ. въ Спб. № 26 л. 36.

[2]) Coronae ligneae vel ex tiliae libero, Rer. moscovit. auctor. varii. MDC. p. 177.

необходимости носить на себѣ видимые слѣды подражанія, и лишь съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ идеальнаго воззрѣнія художника, предметъ природы измѣняется въ искусствѣ иногда до неузнаваемости. Отсюда, если цвѣточный вѣнокъ воспроизвесть при помощи дерева или желѣза и т. п., то, принимая въ соображеніе первоначальное несовершенство техническихъ пріемовъ, мы увидимъ его въ формѣ простаго обруча, не всегда одинаковой высоты. Памятники русской древности сохранили до насъ образцы брачныхъ вѣнцовъ этого рода. Въ коллекціи с.-петербургской духовной академіи находится 6 экземпляровъ такихъ вѣнцовъ, всѣ они имѣютъ форму обруча или ободка высотою отъ $1^3/_4$ до $2^1/_4$ вершковъ безъ всякаго наглавія сверху. Вѣнецъ № 1-й изъ липоваго луба, сшитаго также лубомъ, представляетъ собою ободокъ, высота котораго простирается до 2 вершковъ, діаметръ до $4^1/_2$ вершковъ. Наружная поверхность его украшена изображеніемъ Эммануила въ кругломъ медальонѣ, исполненнымъ золотомъ по свѣтлому фону; по сторонамъ медальона—золотыя поля безъ всякаго рисунка, остальная часть поверхности вѣнца занята разводами краснаго, зеленаго, коричневаго и бѣлаго цвѣтовъ по темно-желтому фону. Живопись весьма тщательная, исполнена на поволокѣ по алебастровому левкасу. Судя по характеру орнамента (разводовъ), напоминающаго орнаментъ нѣкоторыхъ рукописей XVI в. и принадлежностей деревянной церковной утвари съ точными датами XVI и XVII в. (напр. подсвѣчникъ въ видѣ липовой колоды въ той же коллекціи), вѣнецъ слѣдуетъ отнести вѣку къ XVI-му. № 2-й такого же размѣра, матеріала и формы вѣнецъ; характеръ наружныхъ украшеній тотъ же самый, что и въ первомъ вѣнцѣ; разница замѣчается лишь въ окраскѣ частей разводовъ. Вмѣсто изображенія Спасителя, приличнаго первому вѣнцу, какъ мужскому, здѣсь помѣщено изображеніе знаменія Богоматери (вѣнецъ женскій): Богоматерь изображена въ красномъ плащѣ, рукава иматія, равно какъ и костюмъ Спасителя въ нѣдрахъ Богоматери золотые. № 3-й вѣнецъ изъ липоваго луба, $1^3/_4$ вершк. въ высоту и около $4^1/_4$ въ діаметрѣ.

Наружная поверхность его украшена растительнымъ орнаментомъ и изображеніемъ Спасителя въ царскомъ облаченіи по свѣтлозеленому фону въ половинномъ овалѣ. № 4-й такой же величины, формы и украшеній женскій вѣнецъ съ изображеніемъ Богородицы въ царскомъ облаченіи съ воздѣтыми вправо руками. Стиль орнамента и коронъ съ шипами на изображеніяхъ Спасителя и Богоматери указываетъ на XVI—XVII ст. № 5-й вѣнецъ изъ липоваго луба, высота $2^1/_4$ в., діаметръ $4^1/_4$ в., украшенъ грубымъ, поновленнымъ въ недавнее время, изображеніемъ деисуса въ трехъ медальонахъ, разводами и кистями въ родѣ виноградныхъ. № 6-й такой же женскій вѣнецъ съ изображеніемъ знаменія Богородицы съ двумя херувимами по сторонамъ. Живопись фигуръ и рисунокъ орнамента относятся не ранѣе, какъ къ XVII—XVIII в. Если мы отбросимъ въ сторону подробности украшеній нашихъ вѣнцовъ, и обратимъ вниманіе лишь на ихъ основную форму, состоящую изъ ободка высотою въ $1^1/_2$—2 вершка и около 4-хъ вершковъ въ діаметрѣ, то встрѣтимъ въ византійско-русской древности замѣчательную параллель для этой формы. Всякій, кто имѣлъ случай присматриваться къ формамъ древнихъ византійскихъ діадемъ, согласится, что онѣ аналогичны съ формою нашихъ брачныхъ вѣнцовъ. Любопытная исторія діадемы еще ожидаетъ своихъ изслѣдователей. Въ настоящій разъ мы можемъ замѣтить лишь то, что діадема въ видѣ ободка восходитъ своимъ началомъ къ до-христіанской древности, встрѣчается на памятникахъ Египта (Изида), въ числѣ живописей городовъ, засыпанныхъ пепломъ Везувія, въ раскопкахъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, и особенно широкое примѣненіе находитъ въ памятникахъ византійской древности VII—XII в. Такую форму діадемы встрѣчаемъ мы въ изображеніи императора Василія младшаго въ греческой рукописной Псалтири X в., хранящейся въ парижской національной библіотекѣ; она же повторяется въ греческомъ менологіи импер. Василія въ сценахъ мученій, при которыхъ присутствуетъ императоръ; въ такой же діадемѣ изображенъ Мельхиседекъ въ миніатюрахъ ватиканской руко-

писи Косьмы Индикоплова (VII—IX в.), являясь въ костюмѣ и типѣ византійскаго императора, а въ числѣ мозаикъ храма Софіи въ Константинополѣ надъ царскими дверями въ нарѳиксѣ императоръ Константинъ Погонатъ. На памятникахъ русской старины эта форма діадемы также воспроизведена не разъ: ее мы встрѣчаемъ въ ладожскихъ фрескахъ (въ изображеніи царей Давида и Соломона въ куполѣ церкви св. Георгія) и въ фрескахъ кіевскихъ. Чѣмъ объяснить это сходство формъ діадемы и русскаго брачнаго вѣнца: случайное оно, или преднамѣренное? Переводилъ ли древній русскій художникъ самостоятельно форму греческаго цвѣточнаго вѣнка въ форму русскаго вѣнца, или же переводъ этотъ не былъ дѣломъ его искусства, такъ что ему приходилось уже копировать готовую форму византійской діадемы? Полная вѣроятность на сторонѣ послѣдняго предположенія. Если мы прослѣдимъ всю совокупность формъ брачныхъ вѣнцовъ, когда-либо употреблявшихся въ Россіи, то не найдемъ ни одной изъ нихъ, которая бы не представляла весьма близкаго сходства съ тою или другою формою царской короны: найдемъ наоборотъ то, что видоизмѣненія въ формѣ царской короны (въ XVII и XVIII вв.) влекутъ за собою соотвѣтственное видоизмѣненіе и въ формахъ брачныхъ вѣнцовъ, какъ будто это два сродныя явленія, соединенныя между собою генетически, и по самой природѣ своей имѣющія одинаковую судьбу въ художественной исторіи. Отсюда представляется вѣроятнымъ, что и въ первоначальномъ моментѣ ихъ исторіи они родственны между собою, что форма діадемы, какъ старѣйшая въ хронологическомъ порядкѣ, вызвала къ жизни форму русскаго брачнаго вѣнца. Въ этнографіи и исторіи даются прозрачные факты, выясняющіе намъ, что въ сознаніи древне-русскаго человѣка тѣсно соединялись понятія о царскомъ или княжескомъ достоинствѣ и достоинствѣ брачнаго союза: молодые — женихъ и невѣста приравниваются въ народной обрядности къ князю и княгинѣ. Отразилось ли въ этихъ почетныхъ наименованіяхъ искомое представленіе о солнцѣ и лунѣ, какъ князѣ и княгинѣ, или—объ огнѣ и водѣ, или же

представленіе въ миніатюрѣ общественныхъ отношеній, сказать довольно трудно: мы беремъ фактъ въ его конкретности, но не въ генесисѣ и извлекаемъ изъ него лишь тотъ смыслъ, что величіе княжеское и величіе новобрачныхъ являлись въ древности аналогичными понятіями. Отсюда получаютъ надлежащее объясненіе нѣкоторые, отмѣченные въ памятникахъ исторіи, факты. Извѣстно, что въ древней Россіи до XVI столѣтія находило широкій просторъ сожительство безъ церковнаго благословенія, на что нерѣдко жаловались представители русской іерархіи, и особенно характерно разоблаченіе этого факта въ каноническихъ отвѣтахъ митрополита Іоанна II (1080—1089 г.): „яко же еси реклъ, оже не бываетъ на простыхъ людехъ благословенье и вѣнчанье, но боляромъ токмо и княземъ вѣнчатися; простымъ же людемъ, яко и меньшицѣ (наложницѣ) поимаютъ жены своя съ плясаньемъ и гуденьемъ и плесканьемъ“ [1]). Выходитъ такимъ образомъ, что въ XI в. въ Россіи существовало убѣжденіе, будто церковное вѣнчаніе прилично только князьямъ и боярамъ, а простецы могутъ сходиться съ женами безъ него; ложность этого убѣжденія и разъясняетъ митр. Іоаннъ II. Откуда родился у насъ такой взглядъ на примѣненіе брачнаго благословенія? Казалось бы, онъ могъ легче всего образоваться подъ вліяніемъ мысли о сходствѣ церковнаго благословенія брака съ вѣнчаніемъ царей на царство; сходство въ томъ и другомъ чинопослѣдованіи дѣйствительно существуетъ, но къ сожалѣнію доселѣ остается неизвѣстнымъ, существовало ли это сходство въ глубокой древности и даже неизвѣстно съ точностію—существовала ли какая нибудь церковная форма вѣнчанія царей на царство до XVI столѣтія. Итакъ, гдѣ же тотъ признакъ, который способенъ былъ вызывать въ русскомъ человѣкѣ мысль о княжескомъ достоинствѣ брака? Полагаемъ, что его нужно искать прежде всего, во внѣшней обрядности, на томъ основаніи, что для человѣка стоящаго на такой ступени религіознаго развитія, на которой онъ

[1]) Русск. истор. библ. т. VI, стр. 18.

не въ состояніи сразу понять одинаковой приложимости таинства церкви ко всѣмъ людямъ, безъ различія ихъ внѣшняго общественнаго положенія, легче уловимы признаки внѣшняго сходства, чѣмъ внутреннее соотношеніе идей и понятій. Не заключается ли этотъ признакъ прямо въ сходствѣ формъ діадимы и брачнаго вѣнца? Если скажутъ, что признакъ этотъ въ данномъ случаѣ не могъ имѣть мѣста, потому что діадима не составляла отличія русскихъ князей и не была употребительна въ Россіи, то мы отвѣтимъ, что русскіе тѣмъ не менѣе знали отлично, какъ форму греческой діадимы, такъ и ея высокое значеніе. Древнѣйшія русскія монеты Святослава, Владиміра св. и Ярослава представляютъ русскихъ князей въ византійскихъ діадимахъ, и слѣд. ходячая монета была отличнымъ средствомъ къ пропагандѣ византійской формы діадимы. Затѣмъ формы иконографіи, переносимыя въ Россію сполна изъ Греціи, доставляли безъ сомнѣнія не мало случаевъ для ознакомленія русскихъ съ полнымъ костюмомъ византійскихъ императоровъ. Не указываемъ иныхъ путей возможнаго ознакомленія русскихъ съ византійскою діадимою и заключаемъ на основаніи всего сказаннаго лишь къ тому, что сближеніе формы византійской діадимы съ формою брачнаго вѣнца было дѣломъ весьма легкимъ для древне-русскаго человѣка, что это сближеніе было основано на дѣйствительномъ сходствѣ двухъ явленій и что наконецъ сходство это съ значительною вѣроятностію можно считать не случайнымъ. О сходствѣ въ украшеніяхъ діадимы и брачнаго вѣнца очевидно не можетъ быть рѣчи. Первая представляла образецъ роскоши, второй—умѣренности и даже бѣдности. Русскому художнику, построявшему вѣнцы нерѣдко въ лѣсной глуши, никоимъ образомъ не могла придти въ голову дерзкая мысль украсить ихъ, по образцу діадимы, драгоцѣнными камнями. Въ его сознаніи носилась лишь общая форма, поддерживаемая исконнымъ преданіемъ. Впрочемъ, и въ этомъ смыслѣ являлись въ исторіи брачныхъ вѣнцовъ попытки подойти ближе къ византійской діадимѣ.

II. Отмѣченная выше форма діадимы весьма часто на памят-

никахъ византійской древности встрѣчается съ прибавленіемъ жемчужныхъ, или иныхъ драгоцѣнныхъ привѣсокъ по сторонамъ (Ἐνώτια, κρεμαστήρια), въ количествѣ одной—двухъ нитей справа и слѣва, съ крестами на нижнихъ концахъ. Высота обруча въ этихъ діадимахъ не всегда одинакова; но по наружной поверхности его почти всегда разсыпаны драгоцѣнныя дробницы, а на верхнемъ ребрѣ спереди утвержденъ жемчужный четвероконечный крестъ. Многочисленные образцы ихъ разсѣяны въ самыхъ разнородныхъ памятникахъ византійскаго художества. Они часто попадаютъ на медаляхъ и монетахъ импер. Юстиніана, Маврикія, Льва Исавра, Льва мудраго и сына его Константина порфироороднаго, Іоанна Комнина и др. Неясныя, по причинѣ техническихъ затрудненій въ медальонномъ искусствѣ, черты ихъ легко разъясняются при помощи миніатюрныхъ изображеній въ греческихъ рукописяхъ. Въ парижской греч. рукописи твореній Григорія Богослова (IX в.) въ такой діадимѣ изъ золота изображены импер. Евдокія, супруга Василія Македонянина, съ двумя сыновьями—Львомъ и Александромъ; въ парижской Псалтири X в.—императоръ Василій младшій, въ греческой Панопліи ватиканской библіотеки — Алексѣй I-й Комнинъ; въ парижской рукоп. I. Златоуста (1078—1081 г.)—Никифоръ Вотаніатъ; на византійскомъ ковчежцѣ XI в., хранящемся въ патріаршей ризницѣ въ Москвѣ—Константинъ Дука и Евдокія; на рѣзной вещицѣ 1068 г. въ парижской націон. библ.—Романъ IV-й и Евдокія; такое же изображеніе въ греч. рукописи Евѳимія Зигабена въ моск. патр. библіотекѣ и проч. Діадимы эти иногда имѣли сверху наглавія въ видѣ покрывающаго макушку головы полушарія, иногда же являлись въ видѣ обруча, украшеннаго дробницами и привѣсками безъ наглавія. — Въ памятникахъ русской древности форма эта воспроизводится на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ Святослава, Владиміра и Ярослава. Если отличительныя черты этой формы заключаются въ обиліи драгоцѣнныхъ украшеній и цѣлыхъ жемчужныхъ привѣсокъ, то понятно, что она уже по самой дороговизнѣ своей не могла находить широкаго примѣненія

въ брачныхъ вѣнцахъ. Это была невозможная и совершенно излишняя въ обычномъ употребленіи роскошь. А потому почти никакихъ указаній на нее въ исторіи нашихъ брачныхъ вѣнцовъ мы не встрѣчаемъ. Единственный извѣстный намъ примѣръ украшенія брачнаго вѣнца привѣсками приведенъ у Олеарія на рисункѣ, изображающемъ русскую свадьбу; но рисунокъ этотъ и не ясенъ, и едва-ли вѣренъ дѣйствительности: во 1-хъ здѣсь не видно—прикрѣплены ли эти привѣски непосредственно къ вѣнцу, или составляютъ отдѣльное отъ него головное украшеніе; во 2-хъ вѣнецъ Олеарія украшенъ фигурами въ видѣ трилиственника, которыя не имѣютъ органической связи съ византійскими привѣсками. Но недостатокъ памятниковъ этого рода въ русской древности вознаграждается полнымъ изобиліемъ ихъ на Кавказѣ. До настоящаго времени брачные вѣнцы Грузіи и Арменіи сохранили свою первоначальную форму діадимы съ привѣсками. Драгоцѣнные матеріалы возмѣщаются здѣсь мишурными блестками: вмѣсто золота является фольга, жемчуги замѣняются стеклярусомъ; но древняя форма тѣмъ не менѣе удерживается. Вы видите обыкновенной величины головной ободокъ, шириною въ $^1/_2$—1 вершк., сплетенный изъ лентъ фольги и концовъ проволоки; съ двухъ сторонъ его прикрѣплены по двѣ нитки стекляруса, длиною въ 8—12 вершк., оканчивающіяся крестиками изъ того же стекляруса; къ ободку въ томъ мѣстѣ, которое приходится надъ срединою лба, прикрѣпленъ четвероконечный крестъ изъ того же матеріала. При достаточныхъ средствахъ фольга и стеклярусъ замѣняются серебромъ: примѣръ такого вѣнца, довольно древняго, находится въ ризницѣ генатскаго монастыря: деревянный ободокъ вѣнца обтянутъ здѣсь басманнымъ серебромъ, нити и кресты устроены изъ кованнаго серебра. При сравненіи этой формы съ формою византійской діадимы не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ полномъ сходствѣ, простирающемся на всѣ мелкія подробности. То обстоятельство, что обручи этихъ вѣнцовъ весьма узки, нисколько не противорѣчитъ мысли о сходствѣ ихъ съ діадимою: послѣдняя нерѣдко также имѣла весьма узкій ободокъ, одинаковой съ жемчужными

привѣсками толщины: въ такихъ діадимахъ изображены на монетахъ св. Георгій (на монетѣ Константина Дуки), Іоаннъ Комнинъ и великій князь Ярославъ (напр. на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославова серебра). Притомъ и само по себѣ различіе это не имѣетъ существенно важнаго значенія.

III. Сверхъ указанныхъ формъ нерѣдко встрѣчается въ памятникахъ византійской древности еще особая форма царской короны—конусообразная, иногда украшенная дробницами и привѣсками по сторонамъ, какъ это видно въ изображеніи коронъ Іоанна Комнина и сына его Алексѣя въ греческомъ евангеліаріи (XII в.) ватиканской библіотеки и болгарскаго царя Александра въ славянскомъ манускриптѣ (XIII—XIV в.) той же библіотеки. Разложивъ эту форму на ея составныя части, находимъ здѣсь тотъ же обыкновенный обручъ и прикрѣпленное къ нему сверху конусообразное наглавіе, а направляясь далѣе по пути параллелей наталкиваемся на форму извѣстныхъ великокняжескихъ шапокъ—мономаховой, казанской, астраханской и проч., которыя также въ сущности состоятъ изъ околыша и конусообразнаго покрытія сверху. Примѣры повторенія этой формы въ примѣненіи къ брачнымъ вѣнцамъ намъ приходилось видѣть; одинъ изъ такихъ экземпляровъ срисованъ академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ въ владимірской губерніи (снимокъ въ коллекціи г. Солнцева): вѣнецъ деревянный, состоитъ изъ широкаго обруча, украшеннаго изображеніемъ знаменія Богоматери съ двумя архангелами, и овальной довольно высокой крышки, украшенной по наружной поверхности городками; на крышкѣ утверждена кубическая подставка съ изображеніемъ херувима, на подставкѣ маковица и восьмиконечный крестъ. Подобную же форму имѣютъ четыре деревянныхъ вѣнца въ музеѣ христіанскаго искусства при академіи художествъ (№№ 59—60; 63—64), съ тою разницею, что наглавіе ихъ состоитъ изъ трехъ дугъ, съ колонками, кокошниками и крестами (59 и 60), а обручи украшены изображеніями Деисиса и знаменія Богоматери.

IV. Въ XVII в. появляется у насъ особая форма брачнаго

вѣнца: обычной широты обручъ украшается по верхнему ребру четырьмя противолежащими фигурами трилиственника. Въ нашей коллекціи два такихъ образца: № 7-й лубочный вѣнецъ, высотою $3^1/_2$ в.; въ діаметрѣ $4^3/_4$ в.: по поверхности обруча въ четырехъ клеймахъ, раздѣленныхъ полями съ цвѣточнымъ орнаментомъ, изображены: Господь Вседержитель, царь Константинъ, царица Елена и праотецъ Адамъ; надъ этими фигурами возвышались четыре фигуры трилиственника, изъ которыхъ уцѣлѣла лишь одна. № 8-й такой же величины, формы и украшеній вѣнецъ съ изображеніями Богородицы, Іоакима и Анны и Евы. Соотвѣтствующей формы короны съ украшеніями въ видѣ трилиственниковъ въ византійской древности нѣтъ; и хотя напоминаетъ ее діадима съ крестомъ изъ жемчуговъ, но не существуетъ ни одного примѣра, гдѣ форма креста переходила бы совершенно въ форму трилиственника и повторялась на одной и той же діадимѣ четыре раза. Напротивъ въ памятникахъ западно-европейской древности такое явленіе не рѣдко. Трилиственниками украшены императорскія короны въ рукописной латинской Библіи (IX в.), въ церкви св. Павла за стѣнами Рима, нерѣдко являются они и на западно-европейскихъ монетахъ. Періодъ западно-европейской готики окончательно упрочилъ эту, арабскую по своему началу, форму въ области изобразительнаго искусства. Въ виду этого сходства нашихъ вѣнцовъ съ западно-европейскими коронами, при отсутствіи прецедентовъ для нихъ въ византійской древности, наконецъ въ виду общепризнаннаго факта вліянія на русское искусство XVII в. со стороны запада, будетъ вѣроятнымъ заключеніе о родствѣ этой формы брачныхъ вѣнцовъ съ формою средневѣковыхъ коронъ запада, наши вѣнцы относятся къ XVII—XVIII в.

V. Мѣсто украшеній въ видѣ трилиственника въ нѣкоторыхъ экземплярахъ вѣнцовъ занимаютъ острые шипы, разставленные по всей окружности верхняго ребра вѣнца. Таковы вѣнцы нашей коллекціи №№ 9 и 10: оба деревянные точеные; наружная поверхность ихъ была украшена живописью, отъ которой сохранилось

лишь нѣсколько разводовъ и части изображеній: Царя царемъ, Богоматери, Іоанна Предтечи и царя Константина. Обручи имѣютъ наглавія, на которыхъ утверждены—столбики, маковицы и восьмиконечные кресты. Мѣра 3 в. въ высоту (безъ колонки) и 4 в. въ діаметрѣ. Форма эта, употребительная у насъ въ XVII и XVIII в. и особенно въ юго-западной Россіи, имѣетъ также свои параллели въ формѣ царскихъ коронъ. Въ памятникахъ Византіи шипообразная корона усвояется олицетвореніямъ отвлеченныхъ понятій, напр. въ греческ. евангеліаріи (XII в.) ватиканской библіотеки „ἐλεημοσύνη и δικαιοσύνη“; изрѣдка шипы соединяются здѣсь также съ жемчужною повязкою, какъ въ медальонныхъ изображеніяхъ Евдоксіи, дочери Ѳеодосія младшаго и жены Валентиніана III, и императора Ираклія [1]). Въ Россіи ее находимъ на древнихъ новгородскихъ и псковскихъ монетахъ, также на монетахъ великокняжескихъ отъ временъ Василія Васильевича до Алексѣя Михайловича включительно и на памятникахъ иконографіи XVII в. и проч. Въ западной Европѣ образцовъ ея—безчисленное множество. По своему первоначальному происхожденію—это одна изъ древнѣйшихъ формъ короны и извѣстна была за долго до Р. Х.

VI. Послѣдняя въ хронологическомъ порядкѣ форма брачнаго вѣнца приближается къ обычному типу современной намъ европейской короны. Если въ этой формѣ можно находить что либо новое, оригинальное, то во всякомъ случаѣ оригинальность эта не простирается далѣе простой комбинаціи стародавнихъ формъ короны и брачнаго вѣнца. Въ основѣ ея лежитъ тотъ же обручъ діадимы, окаймленный по верхнему ребру сплошнымъ рядомъ зубцовъ или шиповъ, съ перекрестіемъ вверху, состоящимъ изъ двухъ или трехъ скрещенныхъ дугъ, въ центрѣ пресѣченія которыхъ находится ко-

---

[1]) Ср. также «діадиму и вѣнецъ кесарскій около главы *съ столпчики*» въ сказаніи о царскомъ вѣнчаніи греч. импер. Мануила. Ркп. Соф. б. № 1464 л. 465 на обор.

лонка съ маковицею и крестомъ. Наиболѣе типическое отличіе этой формы составляетъ перекрестіе изъ двухъ или трехъ высокихъ дугъ; но и оно не есть продуктъ изобрѣтательности новыхъ художниковъ, а старая форма, лишь видоизмѣненная примѣнительно къ своему новому назначенію. Въ ней мы можемъ наблюдать постепенный переходъ формы изъ области практической въ область эстетики. Раскопки на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ областяхъ греческихъ колоній, и памятники византійскаго искусства даютъ знать, что древняя діадима иногда имѣла тонкое перекрестіе, не выступающее наружу, но скрытое внутри діадимы. Оно нужно было отчасти для того, чтобы голова имѣла вверху діадимы точку опоры, отчасти же, какъ въ византійскихъ діадимахъ, для того, чтобы служить опорою для креста, который утверждался иногда сверху надъ центромъ діадимы. Съ теченіемъ же времени перекрестіе это стало подниматься выше и выдаваться сверху діадимы; форма его оказалась пригодною для цѣлей эстетическихъ; а первоначальное назначеніе его забылось. На нашихъ экземплярахъ брачныхъ вѣнцовъ можно прослѣдить этотъ переходъ формы изъ одной сферы въ другую: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ перекрестіе до такой степени низко, что совершенно скрывается за украшеніями верхняго ребра обруча: таково перекрестіе въ вѣнцахъ №№ 11 и 12; очевидно, что если бы оно было устроено съ цѣлію придать изящество вѣнцу, то не могло бы занимать такого несоотвѣтственнаго положенія; слѣд. оно имѣло въ данномъ случаѣ практическое назначеніе. Въ музеѣ академіи художествъ хранится замѣчательный въ этомъ отношеніи экземпляръ желѣзнаго брачнаго вѣнца, въ формѣ котораго мастеръ обнаружилъ стремленіе совмѣстить цѣли практическія съ эстетическими; онъ устроилъ здѣсь два перекрестія: одно внутри ободка, какъ опору для головы, другое сверху вѣнца—для украшенія; оба они имѣютъ одинаковую форму, и первое въ исторической послѣдовательности составляетъ прототипъ втораго. Если такимъ образомъ оставить въ сторонѣ подробности украшеній новыхъ вѣнцовъ и коронъ, то они

представляютъ въ своей формѣ древнюю діадиму съ перекрестіемъ, которому дано лишь возвышенное положеніе; оригинальность ихъ слѣдов. заключается лишь въ комбинаціи и незначительномъ видоизмѣненіи древнихъ формъ. Форма эта получила у насъ широкое примѣненіе въ XVII и XVIII вв. и перешла даже на епископскія митры. Подобно коронѣ и вѣнцу брачному митра состоитъ изъ обруча, украшеннаго шипами и наглавія, представляющаго лишь видоизмѣненіе перекрестія. Въ этомъ пунктѣ слѣд. нашли нѣкоторое соприкосновеніе царское и іерархическое достоинство и достоинство брачнаго союза.

Припоминаются здѣсь извѣстные серебряные вѣнцы XVI—XVII в., хранящіеся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Главное отличіе ихъ формы отъ діадимы съ перекрестіемъ состоитъ въ томъ, что ободки ихъ спереди значительно возвышены и сведены въ щипецъ. Это обстоятельство родило поддерживаемое доселѣ мнѣніе, будто это возвышеніе долженствовало изображать наложенную на вѣнцы царскую корону и что слѣд. въ этихъ вѣнцахъ вѣнчались браки русскихъ царей. Но нужно имѣть достаточно пылкое воображеніе и большое незнакомство съ русскою стариною, чтобы принять это мнѣніе. Никакого сходства съ короною въ этомъ отношеніи нѣтъ; а если оно есть, то въ цѣломъ вѣнцѣ, но не въ одной части. Возвышеніе же это имѣетъ свою длинную исторію. Его мы встрѣчаемъ и въ керченскихъ діадимахъ, и въ византійскихъ и, если угодно, даже въ нашихъ народныхъ такъ называемыхъ вѣнцахъ, составляющихъ женскій головной уборъ. Въ примѣненіи къ брачнымъ вѣнцамъ это также явленіе далеко не единственное. Въ нашей коллекціи находится желѣзный брачный вѣнецъ съ рѣзнымъ фигурнымъ возвышеніемъ спереди, и два лубочныхъ вѣнца, передніе части которыхъ значительно возвышены. Примѣры эти разрѣшаютъ господствующую иллюзію и заставляютъ видѣть въ возвышеніи на московскихъ брачныхъ вѣнцахъ традиціонную художественную форму, но не символическую фигуру.

Отмѣтивъ основныя формы брачныхъ вѣнцовъ, не можемъ не

остановиться на ихъ украшеніяхъ. Разсмотрѣніе всѣхъ деталей этихъ украшеній для насъ излишне, такъ какъ они не имѣютъ на брачныхъ вѣнцахъ спеціальнаго характера и составляютъ лишь звѣно въ общей исторіи русской орнаментики, а потому мы обратимъ вниманіе лишь на изображенія лицъ святыхъ на брачныхъ вѣнцахъ. Но и изъ числа этихъ послѣднихъ не всѣ имѣютъ спеціальное отношеніе къ браку: одни являются здѣсь въ силу общихъ религіозныхъ причинъ, другія избраны нарочито для наглядnаго указанія на значеніе таинства брака. Чаще другихъ изображеній попадается на вѣнцахъ изображеніе деисиса. Составляя одно изъ весьма распространенныхъ, начиная съ глубокой древности, изображеній, находя мѣсто и въ церквахъ, и въ домахъ, и даже на предметахъ обычнаго употребленія, вмѣстѣ съ тѣмъ выражая полноту новозавѣтнаго божественнаго домостроительства, изображеніе это было весьма умѣстно и на брачныхъ вѣнцахъ, тѣмъ болѣе, что и по своей внѣшней формѣ оно оказывалось весьма удобнымъ для вѣнечнаго ободка. На женскихъ вѣнцахъ повторяется тоже самое изображеніе, или изображеніе знаменія Богоматери: послѣднее является обычнымъ въ новгородскихъ вѣнцахъ, какъ изображеніе мѣстной святыни. На задней сторонѣ вѣнцовъ изображался крестъ съ тростію, копіемъ и обычными надписями; по бокамъ—херувимы и серафимы. Всѣ эти изображенія, выражая собою общія христіанскія мысли и понятія, не имѣютъ здѣсь спеціальнаго значенія; оно открывается здѣсь лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Спаситель изображенъ въ видѣ царя, а Богоматерь въ видѣ царицы. Царскіе вѣнцы на главахъ Спасителя и Богоматери (изображенныхъ на вѣнцахъ) указываютъ косвеннымъ образомъ на высокое значеніе таинства брака и наводятъ на мысль о томъ, что въ умѣ художника царскіе и брачные вѣнцы представлялись явленіями сродными. Такое же сопоставленіе идеи брачнаго вѣнца съ идеею царской короны можно видѣть и въ изображеніяхъ равноапостольныхъ царей Константина и Елены. Какъ первый царь, доставившій торжество православію и причисленный

вмѣстѣ съ своею благочестивою матерью царицею Елеѳою къ лику святыхъ, Константинъ великій естественно выдвигался впередъ всякій разъ, когда возбуждался въ умѣ богослова или художника вопросъ о царскомъ достоинствѣ въ православіи. И вотъ, нося въ своемъ сознаніи мысль о царскомъ достоинствѣ брачнаго союза, художникъ изображалъ Константина и Елену на брачныхъ вѣнцахъ, какъ символахъ этого достоинства. Православная русская церковь съ своей стороны, поддерживала это убѣжденіе, доказательствомъ чего служитъ то, что въ древне-русскихъ чинопослѣдованіяхъ брака весьма часто встрѣчается тропарь, а иногда и кондакъ Константину и Еленѣ (соф. библ. №№ 836, 839 и др.), а въ отпускѣ поминаются ихъ имена (Ibid. №№ 1101, 1085, 531 и др.). Почему именно этотъ тропарь и кондакъ, — и эти имена, а не другія, считались приличными брачному чинопослѣдованію, отвѣтъ на это получается изъ сопоставленія идеи царскаго вѣнца съ вѣнцомъ брачнымъ. — Изображенія Адама и Евы на брачныхъ вѣнцахъ имѣютъ иной смыслъ: они указываютъ на то, что таинство брака освящаетъ собою естественное чадородіе, начало котораго соединено съ именами прародителей. — Наконецъ изображенія Іоакима и Анны усиливаютъ мысль о вліяніи брака на естественное дѣторожденіе, показывая, что даже неплодные по природѣ, каковы были Іоакимъ и Анна, подъ дѣйствіемъ этого таинства, получаютъ благословеніе чадородія.

Разсмотрѣнными формами исчерпывается та сторона вопроса о брачныхъ вѣнцахъ, которою они соприкасаются съ исторіею христіанскаго искусства. Что касается ихъ церковнаго значенія, то оно открывается тамъ не сполна и можетъ быть уяснено лишь при посредствѣ древнихъ чинопослѣдованій брака, въ которыхъ выдѣляется видное мѣсто церемоніямъ возложенія вѣнцовъ на головы брачущихся и снятія ихъ. Какое важное значеніе усвояла древность этимъ церемоніямъ въ общемъ составѣ брачнаго чинопослѣдованія, объ этомъ можно судить уже потому, что какъ въ греческой, такъ и русской церкви цѣлое чинопослѣдованіе носитъ названіе одной

лишь части „вѣнчаніе“ (στεφάνωμα). Внѣшній образъ, составляющій наиболѣе рѣзкую отличительную черту въ формальной сторонѣ этого чинопослѣдованія, далъ первый толчекъ для наименованія и сосредоточилъ вокругъ себя цѣлую группу церковныхъ церемоній. Эти церемоніи возложенія и снятія вѣнцовъ, начиная съ того момента, когда установилась схема брачнаго чинопослѣдованія до настоящаго времени всегда служили и служатъ однимъ изъ важныхъ составныхъ элементовъ его. Въ древнѣйшихъ греческихъ чинопослѣдованіяхъ брака находится уже особая молитва о благословеніи вѣнцовъ силою, наитіемъ и дѣйствіемъ Св. Духа (ὑπὲρ τοῦ εὐλογηθῆναι τὰ στέφανα. Euχολ. Goar.) и въ числѣ брачныхъ обрядовыхъ дѣйствій одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ возложеніе и снятіе вѣнцовъ въ восьмой день при чтеніи особыхъ молитвъ. Тоже и въ древне-русскихъ чинопослѣдованіяхъ. Хотя точной опредѣлительности въ количествѣ и текстѣ молитвъ и желательнаго однообразія редакцій мы здѣсь не видимъ, однако по частямъ находимъ всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ слагаются эти церемоніи въ настоящее время. Отсюда мы узнаемъ, что вѣнцы возлагались на головы жениха и невѣсты при пѣніи стиха „положилъ еси на главахъ ихъ вѣнцы отъ каменій честныхъ“ (Служ. соф. библ. XIII в. №№ 525 и 581; служ. XV в. № 836), хотя это, разумѣется, отнюдь не уполномочиваетъ насъ считать древне-русскіе вѣнцы украшенными драгоцѣнными камнями. Обрядъ этотъ сполна имѣетъ у насъ греческое начало. Что же касается другаго стиха, который также иногда пѣтъ былъ при возложеніи вѣнцовъ „Господи силою твоею возвеселится царь“, то онъ по всей вѣроятности перешелъ къ намъ изъ сербскихъ служебниковъ (Требн. моск. син. библ. №№ 373 и 374. Опис. III, 1. 159). Между тѣмъ священникъ еще до начала этого пѣнія произносилъ молитву „Господи Боже нашъ, иже славою и честію вѣнчалъ еси святыя своя мученики“ (соф. б. №№ 836, 389). Молитва эта, равно какъ и пѣніе стиха „святіи мученицы“ разъясняетъ намъ церковный взглядъ на брачные вѣнцы въ смыслѣ св. Златоуста. Какъ въ древнемъ мірѣ вѣнокъ служилъ

символомъ награды борца за побѣду въ единоборствѣ, такъ въ христіанствѣ онъ явился символомъ награды за подвиги мученичества. Какъ мученикъ цѣной своей крови покупаетъ торжество своихъ христіанскихъ убѣжденій и въ этомъ смыслѣ, подобно царю побѣдителю, заслуживаетъ побѣднаго вѣнка, такъ и христіанинъ вступившій въ бракъ ео ipso доказываетъ свою побѣду надъ страстями и удостоивается побѣднаго — царскаго вѣнка: отсюда пѣніе стиха „св. мученицы“ является какъ нельзя болѣе умѣстнымъ при возложеніи брачныхъ вѣнцовъ. Брачные вѣнцы обыкновенно возлагались непосредственно на головы брачущихся; но иногда они вручались куму и кумѣ (дружки, свахи, шаферы), которые держали ихъ сзади надъ головами жениха и невѣсты (соф. б. №№ 836 839, 1065, 1064, 1066, 1085, 1101. Въ моск. синод. б. Служ, т. н. кипріановскій № 601). Въ отношеніи второбрачныхъ практика древне-русской церкви была не та, которая наблюдается въ настоящее время, именно: на нихъ или совершенно не возлагали вѣнцовъ, или же возлагали не на головы, но на правое плечо. Практика перваго рода узаконена была отцами стоглаваго собора, которые категорически утвердили, что „второму браку вѣнчанія нѣсть, но токмо молитва“ (гл. 23). Въ оправданіе этого узаконенія стоглавъ ссылается на какія-то правила повидимому Никифора исповѣдника и Никиты Ираклійскаго; но ссылка эта не совсѣмъ точна. Если разумѣть подъ правилами — правила касательно этого предмета въ греческой церкви, то они не узаконяютъ на этотъ разъ какого либо одного опредѣленнаго обычая. По правилу Никифора исповѣдника (пр. 2 и 5) двоеженцы не вѣнчаются (гл. 21), по правилу Никиты Ираклійскаго (XI в.) въ его отвѣтахъ еп. Константину — также (ἡ μεν ἀκρίβεια τοῦς διγάμους οὐκ οἶδε στεφανοῦν); но великая константинопольская церковь, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Никита и., не соблюдала этого правила и возлагала вѣнцы даже на двоеженцевъ (καὶ τοῖς διγάμοις τοῦς νυμφικοῦς στεφάνους ἐπιτίθησι), и никто не осуждалъ этого обычая. Слѣдовательно, опредѣленіе стоглава касательно этого предмета основано не на всеобщей прак-

тикѣ древней греческой церкви, но на частной и притомъ наиболѣе строгой. Быть можетъ поэтому оно и не всегда выполнялось въ практикѣ русской церкви. Въ старинныхъ русскихъ служебникахъ указывается нерѣдко въ чинопослѣдованіи о второбрачныхъ возлагать вѣнецъ на правое плечо вдовца (соф. б. №№ 1066, 1085 и др.); при этомъ первобрачный при бракосочетаніи съ вдовою или дѣвица съ вдовцомъ удерживаютъ всѣ преимущества первобрачныхъ; ограниченіе при возложеніи вѣнца распространялось единственно на второбрачныхъ (№ 1085, № 108: указъ о второмъ браку; на оборотѣ: „а вѣнецъ держатъ на отрокѣ или на дѣвицѣ на главѣ, а вдовцу на правомъ плечѣ“). Видно, что вѣнецъ признавался символомъ высокаго достоинства и не примѣнялся одинаково безъ разбора во всѣхъ случаяхъ.

Снятіе вѣнцовъ съ новобрачныхъ въ старину происходило у насъ при такой обстановкѣ, которая въ настоящее время уже не имѣетъ мѣста. Изъ XIII и XIV вв. мы имѣемъ свѣденія, что священникъ послѣ вѣнчанія при пѣніи стиха „славою и честію вѣнчалъ еси“... сажалъ новобрачныхъ на лавицу и здѣсь снималъ съ нихъ вѣнцы (Соф. б. № 525 л. 78 на обор. идуть къ лавицѣ поюще стихъ славою и честію... и посадивъ я глаголетъ (священникъ) молитву на снятіе вѣнця), или же обращалъ ихъ при этомъ десною страною къ западу, снималъ вѣнцы, благословлялъ крестообразно (вѣнцомъ) жениха и невѣсту и эта церемонія заканчивалась взаимнымъ поцѣлуемъ между новобрачными. Церемонія снятія вѣнцовъ происходила или непосредственно послѣ вѣнчанія или же въ 8-й день, какъ это было принято въ церкви греческой и какъ дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. на Кавказѣ) доселѣ [1]). Так. обр. и въ этомъ случаѣ нашла примѣненіе столь распространенная въ древнемъ мірѣ символика числа „семь“.

Церковный обрядъ брака въ старину заканчивался обрядомъ

---

[1]) Въ Грузіи новобрачные въ теченіи семи дней послѣ брака носятъ вѣнцы на головѣ и въ такомъ видѣ появляются на улицахъ.

бытоваго характера, состоявшимъ въ осыпаніи новобрачныхъ хмѣлемъ и житомъ; онъ былъ занесенъ даже и въ служебники. „Тажъ повелитъ попъ матери вѣнчальной нововѣнчанныхъ осыпати ихъ хмѣлемъ и житомъ“ (соф. б. №№ 1063 и 1065). Обрядъ заслуживающій особеннаго вниманія какъ по своему характеру, такъ по древности и параллелямъ. Это обычный обрядъ, символизирующій внѣшнее благополучіе и плодородіе новобрачныхъ. Насколько онъ распространенъ и тождественъ всюду по своему внутреннему значенію, настолько же разнообразенъ по отношенію къ его матеріи. Объясняется это разнообразіе изъ различія внѣшней обстановки различныхъ народовъ и изъ различія понятій о наибольшей полнотѣ внѣшняго благополучія: для одного народа, живущаго въ извѣстныхъ географическихъ условіяхъ, такую полноту выражаетъ жито, для другаго орѣхи и т. д. Отсюда мы видимъ, что одни изъ древнихъ народовъ (греки) при брачныхъ церемоніяхъ осыпаютъ новобрачныхъ орѣхами, конфектами, винными ягодами и гранатовыми зернами, другіе (индусы) рисомъ, третьи (французы) пшеницей и горохомъ, четвертые (евреи въ западномъ краѣ) овсомъ или хмѣлемъ. Славянскіе народы, какъ попреимуществу земледѣльцы съ отдаленнѣйшихъ временъ, употребляютъ для этой цѣли зерновой хлѣбъ: рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, конопляное масло и хмѣль, и лишь малороссы и жители угорской Руси пользуются орѣхами. Осыпаніе мелкими деньгами составляетъ явленіе не совсѣмъ обычное. У русскихъ осыпаніе новобрачныхъ хмѣлемъ и житомъ въ старину составляло неизбѣжный обрядъ при всякой свадьбѣ, будетъ ли то свадьба княжеская, царская или простонародная. Древнія свадебныя чиноположенія и описанія свадебъ, изданныя И. П. Сахаровымъ, отмѣчаютъ этотъ обрядъ при каждомъ отдѣльномъ бракѣ: иногда онъ совершается надъ однимъ женихомъ, иногда надъ невѣстою, иногда надъ обоими вмѣстѣ, при томъ въ рѣдкихъ случаяхъ предъ отправленіемъ въ церковь, большею же частію по окончаніи церковнаго обряда и по приходѣ молодыхъ

въ сѣнникъ. Матеріалъ для осыпанія приготовлялся заблаговременно: „на столѣ... на блюдѣ поставить (подлѣ перепечъ, калачей и сыра) *осыпной хмѣль*, да деньги золотыя и новгородки золоченыя, да девять соболей, да камки и тафты всякія". Исполненіе обряда поручалось обыкновенно свахѣ, которая надѣвала для того двѣ шубы,—одну „на изворотъ": „а какъ дойдутъ (молодые) до постели, и въ тѣ поры тысяцкаго жена (сваха) положитъ на себѣ двѣ шубы, одну по обычаю, а другую на изворотъ, и будетъ изъ мисы осыпать великаго князя (Василія Іоанновича) и великую княгиню (Елену Васильевну Глинскую) у дверей сѣнника". Таковъ былъ народный обычай, и ему охотно подчинялись даже князья и цари: Но во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ въ памятникахъ Сахарова, этотъ обрядъ показанъ внѣ церкви; между тѣмъ какъ въ цитованныхъ нами древнихъ требникахъ онъ отмѣчается вслѣдъ за снятіемъ вѣнцовъ и поцѣлуемъ новобрачныхъ: это тотъ торжественный моментъ, когда при бракахъ богатыхъ и высокопоставленныхъ лицъ, пѣвчіе пѣли демественное многолѣтіе и когда весьма естественно было присоединить обрядъ, выражающій въ символической формѣ то же пожеланіе благополучія. Истолковывать въ какомъ либо непрямомъ смыслѣ эти указанія рукописей мы не имѣемъ права и должны допустить, что въ былое время обрядъ народный уживался съ обрядомъ церковнымъ. Переносясь отсюда мыслію еще разъ къ царскому вѣнчанію, находимъ здѣсь аналогичный обрядъ осыпанія золотомъ и серебромъ новопоставленнаго царя при поставленіи его на царство. Такой случай имѣлъ мѣсто при поставленіи царя Ивана Васильевича. Вотъ какъ описывается онъ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVI—XVII в.: послѣ литургіи (въ московскомъ Успенскомъ соборѣ), которая совершена была митрополитомъ Макаріемъ и съ которою соединялась церемонія возложенія на Ивана Васильевича бармъ и царскаго вѣнца „осыпа его (новопоставленнаго царя) братъ его князь Георгій Васильевичъ златомъ и сребромъ трижды предъ пречистою и предъ

архангеломъ и предъ благовѣщеніемъ“ [1]). Сколь ни различна отъ предъидущихъ обрядовъ матерія этого послѣдняго обряда, но едвали возможно отрицать связь ихъ въ основной мысли.

Н. Покровскій.

---

[1]) Ркп. соф. б. № 1516 л. 53 ст. Поставленіе великихъ князей русскихъ, откуду бѣ и како начашася ставити на великое княженіе святыми бармами и царскимъ вѣнцомъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки